

ПРАКТИЧЕСКАЯ
МУДРОСТЬ

БАРРИ ШВАРЦ & КЕННЕТ ШЕРП

Барри Шварц Кеннет Шарп

Практическая мудрость

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18795244

*Практическая мудрость / Барри Шварц, Кеннет Шарп : [перевод с английского].: Олимп–Бизнес; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-9693-0332-4*

Аннотация

В этой книге заключен крайне своевременный призыв руководствоваться важнейшим человеческим качеством, уже практически вытесненным из нашей жизни, – мудростью. Авторы своеобразной книги-провокации Барри Шварц и Кеннет Шарп предлагают рациональный и обоснованный подход к жизни, позволяющий сохранять баланс между стремлением к успеху и чувством долга, открывающий секрет полноценной и гармоничной жизни. Книга «Практическая мудрость» помогает выявить и развить присущую человеку от рождения мудрость и, используя ее в работе и повседневности, добиться успеха и гармонии в профессиональной и личной жизни. Книга адресована всем, кто хочет научиться балансировать между жесткими, не всегда обоснованными правилами и здравым смыслом и жить в согласии с собой, при этом добиваясь профессиональных успехов.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	4
Часть 1	9
1. Потребность в мудрости	9
2. Уборщик и судья	27
3. Поиск компромисса: почему мудрость практична	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Барри Шварц.
Кеннет Шарп**

**Практическая мудрость.
Правильный путь к
правильным поступкам**

*Мирне Шварц и Мэйделин Томсон с любовью и
признательностью*

Предисловие к русскому изданию

В 2008 году, когда мировая финансовая система оказалась на грани краха, политикам пришлось задуматься над вопросом: что необходимо сделать, чтобы предотвратить такие бедствия в будущем; как поступать, чтобы подобное никогда больше не повторилось? Казалось – и многие были с этим согласны, – что существует два варианта решения. Мы могли бы установить дополнительные, более сложные и продуманные правила контроля в финансовой сфере. Или – а возможно, «и» – продумать для людей, работающих в финансовом секторе, специальные меры поощрения, которые стимулировали бы заинтересованность в служении долговремен-

ным интересам общества и их собственных компаний вместо погони за сиюминутной выгодой. Правила и стимулы. Кнут и пряник. Неужели это все?

Финансовый кризис – всего лишь один из множества примеров. Всякий раз, когда важный социальный институт не в состоянии удовлетворить наши нужды, мы обращаемся все к тем же инструментам. В США, например, для улучшения деградирующей образовательной системы мы усложняем правила: создаем подробные учебные планы, придумываем меры поощрения в виде надбавок и премий для учителей, воспитанники которых показывают хорошие результаты, и надеемся таким образом повысить качество обучения. В попытке контролировать расходы на здравоохранение мы пошли тем же путем: прибегли к созданию новых правил (утверждение протоколов лечения и структур оплаты) и стимулов (бонусы врачам, если состояние пациента улучшилось).

В различных социальных системах при решении общественных проблем эти два инструмента используются в разной мере и разными способами.

Некоторые, более «автократичные», страны склонны опираться на правила. Другие – те, которые условно называют «рыночными», – скорее ориентированы на использование стимулов. Но в любом случае именно комбинацию этих двух инструментов будут использовать политики, чтобы «скорректировать» плохо работающую систему.

В книге «Практическая мудрость» мы утверждаем, что

одних только правил и мер поощрения недостаточно – какими бы разумными и взвешенными они ни были. Мы утверждаем, что обществу нужны люди не просто следующие правилам и принципам, не только стремящиеся заслужить поощрение, но обладающие высокими моральными и нравственными качествами, – те, кого древний философ Аристотель назвал бы добродетельными. Нам нужны люди, которые будут поступать должным образом не потому, что так диктует инструкция, и не из-за перспективы получить вознаграждение, но просто потому, что так – правильно.

И более всего из добродетелей нам необходима та, которую Аристотель назвал практической мудростью. Практическая мудрость есть нравственная воля поступать правильно и нравственный навык понимания, что есть правильный поступок.

Мы также считаем, что правила и стимулы не только не позволяют нам добиться желаемого, но, напротив, тем сильнее усугубляют наши проблемы, чем больше мы полагаемся на них. Чрезмерная зарегулированность подрывает развитие необходимых навыков, а избыточное использование мер поощрения подрывает волю мудрых людей. Поэтому эффективность правил и стимулов обманчива: работающие на коротком отрезке времени, они ухудшают ситуацию в долгосрочной перспективе.

В нашей книге вы найдете анализ конкретных примеров, взятых из различных социальных институтов США: образо-

вания, медицины, юриспруденции, финансов. Мы показываем, как в каждой из этих сфер деятельности люди нашли возможность справляться со своими обязанностями наилучшим образом – руководствуясь совестью, а не под воздействием «кнута и пряника». Мы рассматриваем эти примеры как доказательства того, что правила и стимулы – не более чем формальные инструменты, а добродетель можно и нужно культивировать, на нее следует полагаться.

И наконец, мы предполагаем: как только в обществе произойдет поворот к практической мудрости, этот процесс приобретет устойчивость, станет самовоспроизводящимся. Решения, порожденные мудростью, способствуют благополучию не только получателей услуг, но и тех, кто их предоставляет. Чем шире возможности у специалистов руководствоваться высшей миссией их деятельности, тем больше они будут хотеть это делать. Практическая мудрость нужна не только для того, чтобы преуспевать в профессии – будь вы врач, юрист, банкир или учитель – и получать от нее удовлетворение. Для того чтобы быть хорошим другом, хорошим супругом, родителем и гражданином, тоже нужна практическая мудрость. Пренебрегая обращением к человеческой совести и добродетели, современные общества создали системы, которые не могут использовать то лучшее, что есть в человеческой природе. Мир нуждается не только в жестких правилах и эффективных стимулах. Он нуждается в хороших людях.

Практически все случаи и ситуации, обсуждаемые в этой книге, иллюстрируют принятые в США стандарты профессиональной деятельности. Мы уверены, однако, что ни одна из вскрытых проблем не является уникальной для Соединенных Штатов. В любом обществе найдутся примеры того, как излишняя зарегулированность и чрезмерное увлечение мерами поощрения разрушают истинный смысл деятельности учреждений и институтов. Мы также надеемся, что читатели, исходя из собственного опыта, смогут предложить примеры наиболее перспективных альтернатив такому механистическому подходу. В мире повсеместно мы видим дефицит добродетельных, совестливых, хороших людей – но мы уверены, что эту ситуацию можно изменить к лучшему.

Барри Швари, Кеннет Шарп

3 октября 2015 года

Часть 1

Что такое мудрость и почему мы в ней нуждаемся

1. Потребность в мудрости

Мы испытываем все большее разочарование в институтах, от которых зависим. Мы уже не можем доверять им: они не оправдывают наших надежд и не дают того, что нам нужно.

Это относится к школам, где наших детей учат не так, как, по нашим представлениям, это следовало бы делать. К врачам, похоже, слишком занятым, чтобы уделять нам достаточно времени, проявлять внимание и заботу, в которых мы так нуждаемся. К банкам, которые не управляют нашими активами должным образом, и к рейтинговым агентствам, не способным дать точную оценку инвестиционных рисков. К судебной системе, для которой соответствие вынесенных решений общим нормам, кажется, куда более важно, чем осуществление правосудия. Это относится и к нашей работе, где мы выполняем планы, достигаем целей и управляем системами, но утрачиваем ощущение смысла – того главного, ради чего когда-то посвятили себя именно этой профессии.

Если бы неудовлетворенность испытывали только пациен-

ты, клиенты и учащиеся, было бы легко обвинить медиков, юристов и учителей в отсутствии желания, опыта и знаний, достаточных для того, чтобы выполнять свою работу как следует. Но дело в том, что разочарование первых совершенно естественным образом дополняется недовольством вторых. Большинство докторов хотят заниматься врачебной практикой добросовестно – что называется, «как положено». Но они чувствуют себя беспомощными, когда потребности и желания их пациентов вступают в противоречие с изматывающими требованиями страховых компаний. Врачи вынуждены зарабатывать достаточно для оплаты страхования от врачебной ошибки; им приходится ограничивать прием одного пациента семью минутами; при всем том надо быть в курсе развития последних тенденций в своей области медицины.

Большинство учителей искренне стремятся давать детям основы знаний и в то же время открывать перед ними перспективы самообразования. Но это плохо сочетается с главной задачей школьника – правильно отвечать на вопросы стандартных тестов, не укладывается в предписанные методики преподавания и никак не вяжется с постоянно растущей горой бумажной работы.

В итоге удовлетворения не испытывает никто: ни профессионалы, ни их клиенты.

Как же исправить положение?

Обычно мы используем один из двух инструментов. Первый – создание набора правил и административных меха-

низмов. Правила разъясняют, что и как делать; администрирование дает возможность контролировать исполнение. Второй способ – создание набора стимулов, которые складываются в систему вознаграждения за хорошую работу. Первый путь – тщательно построенных правил, процедур и жесткого контроля над их исполнением – предполагает, что даже людям, стремящимся исполнять свои обязанности должным образом, следует разъяснять, как это делать. Второй же подразумевает, что никто не станет работать как следует, не имея для этого стимулов.

Правила и стимулы. Кнут и пряник. А нельзя ли как-нибудь по-другому?

Нет сомнений: продуманные правила и все более результативные способы стимулирования играют важную роль при попытках совершенствования любых институтов. Если, к примеру, сокращая стоимость медицинской помощи, вы хотите одновременно повысить ее качество, то глупо поощрять врачей за количество процедур. И если вы стремитесь удерживать банки от глупых и рискованных операций с деньгами вкладчиков, то это просто сумасшествие – позволять банкирам в то же самое время заниматься какими угодно биржевыми спекуляциями с использованием заемных средств, пребывая в полной уверенности: в случае чего правительство поможет им выпутаться.

Однако, опираясь только на правила и стимулы, можно упустить из виду нечто весьма существенное. Книга, кото-

рую вы держите в руках, как раз о том, что представляет собой это «нечто», то, что Аристотель¹, будучи классическим философом, называл практической мудростью (он использовал термин φρόνησις – «фронезис»). Утрата этой составляющей делает самые продуманные правила, самый жесткий контроль и самые мощные стимулы недостаточными для решения проблем, с которыми мы сталкиваемся.

Термин «практическая мудрость» звучит для современного уха как оксюморон². Мудрость для нас – нечто противоположное практичности, нечто из области абстракций, высоких материй – таких как «благо», «истина», «путь» и тому подобные вещи. Мы склонны думать, что мудрость – удел ученых мужей, эдаких гуру, раввинов и прочих наставников – седобородых волшебников вроде Дамблдора из книг про Гарри Поттера. Учитель Аристотеля, Платон, кстати, разделял такой взгляд и считал, что мудрость теоретична, абстрактна и даруется только избранным. Однако Аристотель с ним не согласился. Он полагал, что наша повседневная жизнь – социальная практика, если можно так выразиться, – постоянно требует выбора: до какой степени быть лояльным по отношению друг к другу; как оставаться справедливым;

¹ Наши отсылки к Аристотелю и цитаты здесь и далее взяты из книги «Aristotle. Nicomachean Ethics» в переводе Мартина Освальда (New York: Macmillan, 1962). – Здесь и далее сноски, не имеющие пометки «Прим. ред.», являются примечаниями авторов.

² Оксюморон (греч. «острая глупость») – термин античной стилистики, обозначающий нарочитое сочетание противоречивых понятий. – Прим. ред.

каким образом противостоять опасности, когда и в какой форме проявлять гнев. А верным этот выбор может быть лишь тогда, когда он определен практической мудростью.

Например, в том, что касается гнева, центральным вопросом для Аристотеля были не общие рассуждения на тему того, хорошо это или плохо – гневаться, и не абстрактный вопрос о том, какова вообще природа добра. Главную проблему он видел в том, как конкретно поступать в конкретных обстоятельствах: на кого злиться, как долго, каким образом и с какой целью³. Мудрость, необходимая для ответа на подобные вопросы и последующих правильных действий, носит именно практический, а не теоретический характер. Она связана с нашей способностью осознать ситуацию; испытать в отношении нее соответствующие чувства или желания; определить, что в такой ситуации будет уместным, и поступить соответствующим образом.

Аристотель развил идею практической мудрости в своей классической работе «Никомахова этика». По Аристотелю, главное в этике – не формирование общих моральных правил и следование им. Этика занимается изучением конкретных взаимодействий между людьми: как быть хорошим другом, семьянином, врачом, солдатом, гражданином или государственным деятелем, а значит – как правильно поступать в конкретных обстоятельствах, по отношению к конкретному человеку в конкретное время. Вот что такое практиче-

³ Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Book 4, Ch. 5 [1125b–1126a].

ская мудрость. «Этика» Аристотеля не есть набор абстрактных рассуждений о благе или «правильном» поведении. Она рассматривает то, чему нужно научиться, чтобы преуспевать в делах и процветать; требует выработать в себе определенные черты характера – лояльность, самообладание, смелость, справедливость, великодушие, кротость, дружелюбие, правдивость (сегодня к этому списку следует добавить толерантность, прямоту, открытость, добросовестность и человечность). Аристотель называет эти черты характера $\alpha\rho\epsilon\tau\eta$ («арете»), что обычно переводится как «добродетели». Но главная добродетель, лежащая в основе его этики, – практическая мудрость. Ни одна из перечисленных выше черт не может существовать без нее.

Почему «мудрость»? Почему «практическая»? Почему не просто набор правил, которым стоит следовать?

Большинство людей смогли убедиться на собственном опыте, что правила «работают» только до определенного момента. Правила не способны подсказать, как толковать то или иное событие и как увязать противоположности в каждом конкретном случае, – а ведь сталкиваться с этим приходится едва ли не ежедневно. Взять, к примеру, врача: он, конечно же, обучен тому, как по всем правилам лечить людей, но ему приходится постоянно решать и другие, не менее сложные вопросы. Как, например, найти баланс между уважением к праву пациента принимать решение и знанием, что больной вряд ли может объективно судить о том, что

ему нужно? Как сделать выбор между сопереживанием пациенту и отстраненностью, необходимой для здорового взгляда на ситуацию? Как увязать желание уделять каждому больному больше времени, внимания и участия с необходимостью принимать ежедневно столько пациентов, чтобы можно было сохранять платежеспособность своего кабинета или клиники? Как, наконец, уравновесить желание сказать пациенту правду, какой бы тяжелой она ни была, со стремлением быть добрым?

Учителя, пытающиеся и учить, и побуждать к самообразованию, юристы, стремящиеся дать полезный совет и служить правосудию, – все они мучаются выбором не между «правильным» и «неправильным». Они постоянно выбирают между правильными вещами, которые тем не менее противоречат друг другу, между хорошим и лучшим, а иногда – между плохим и худшим. Хороший врач должен быть честным со своими пациентами – и добрым с ними, уметь вселять в больных надежду, что они вынесут самые сложные процедуры, самое тяжелое лечение. Но в процессе эти цели могут противоречить друг другу, и тогда врачу приходится решать – быть честным или добрым, а точнее – находить баланс между честностью и добротой, подходящий для конкретного пациента, который находится перед ним в эту минуту.

Для затруднений такого рода не существует общих решений на все случаи жизни. Хорошие правила могут оказывать

ся полезным инструментом, когда мы пытаемся определить- ся с целями, но в них никогда не будет достаточно нюансов, чтобы руководствоваться ими в любой ситуации. Аристотель считал, что поиск баланса требует мудрости и что абстракт- ная, беспредметная мудрость тут не годится. Она должна быть практической, поскольку проблемы, с которыми мы сталкиваемся, связаны с повседневной деятельностью. Это не разбор гипотетических ситуаций в университетских кур- сах этики. Это реальные затруднения, разрешать которые необходимо каждому практику, чтобы хорошо делать свою работу. Практическая мудрость – не размышления о том, как должен действовать кто-то другой в какой-то возможной си- туации. Она касается того, что делать лично вам – прямо здесь и прямо сейчас, вот с этим именно персонажем. Че- ловек, обладающий практической мудростью, не просто раз- мышляет о том, что нужно делать, – он делает это.

Действовать мудро – значит руководствоваться настоящи- ми, истинными целями и задачами, лежащими в основе каж- дой конкретной деятельности. Аристотель использовал для обозначения таких целей термин «τέλος» (предназначение, цель – «телос»). «Телос» преподавания заключается в обуче- нии студентов; «телос» врачевания – в укреплении здоровья и облегчении страданий; «телос» юридической деятельности – в служении правосудию. У каждой профессии – от банков- ского дела до социальной работы – есть свой «телос», и на- стоящих успехов добиваются те, кто способен верно опреде-

лить его и неотступно следовать ему.

Итак, хороший практик руководствуется в своей деятельности стремлением к «телосу». Но перевод общих целей в конкретные действия требует практической мудрости. Люди, обладающие такой мудростью, понимают, что у каждой социальной или деловой роли – друга, родителя, врача – есть «телос», и руководствуются именно им. Они стремятся поступать должным образом не ради денежного вознаграждения или из страха наказания, но потому, что этого требует предназначение по-настоящему хорошего учителя или врача.

Но одного стремления недостаточно. Недаром говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Трансформация целей в действия требует знаний и опыта. Ответ на вопрос «Что я должен делать?» почти всегда зависит от особенностей ситуации. Друзья, врачи, учителя и родители – все должны понимать, что думают и чувствуют другие люди, представлять последствия своих действий и улавливать разницу между возможным и идеальным. Практическая мудрость сродни умению, которое необходимо мастеру, чтобы построить лодку или дом, а джазовому музыканту – чтобы импровизировать. Но она не сводится к техническим или артистическим навыкам. Это, скорее, личный нравственный опыт, навык, дающий возможность понять, как взаимодействовать с окружающими в повседневной жизни.

Таким образом, практическая мудрость сочетает в себе

стремление к цели и умение ее достичь. Умение без желания достичь истинной цели той или иной деятельности может привести к безжалостной манипуляции людьми, к преследованию не общих, а исключительно собственных интересов. Но и стремление, не подкрепленное умением, ведет к бесплодным порывам: мы видим, как зачастую те, кто «хочет как лучше», оставляют ситуацию в состоянии худшем, чем она была до их вмешательства.

Как же обрести практическую мудрость? Для этого не существует готовых рецептов, формул или набора техник. Навыки приходят с опытом, как и ответственное отношение к тем целям, которые ставит перед нами наша деятельность. Вот почему именно с опытом мы ассоциируем мудрость.

Но не всякий опыт работает на формирование практической мудрости и подпитывает ее развитие. Есть и такой, который разъедает ее. И вот тут Аристотель обращает наше внимание на критически важный момент: практическая мудрость и присущие ей черты характера должны культивироваться теми сообществами и институтами, в которых мы живем и трудимся. Он написал «Этику» не просто ради того, чтобы подчеркнуть важность практической мудрости для жизни общества, но призывая граждан и государственных деятелей Афин создавать институты, которые воодушевляли бы людей на овладение ею.

Столкнувшись с сегодняшними реалиями, Аристотель и нас призвал бы задуматься над тем, не препятствуют ли со-

временные институты культивированию мудрости, добытой практиками. Не обесценивают ли ее, не отбивают ли охоту к ней? И если это так, то что необходимо сделать, чтобы восполнить ее дефицит?

Аристотелю было бы трудно представить сложность и размах современных институтов, но он бы сразу указал на ключевую проблему, которой и посвящена эта книга. Правила и стимулы, на которые опираются современные структуры – государственные, общественные и деловые – в погоне за эффективностью, прозрачностью, прибыльностью и высокой производительностью, не могут заменить практическую мудрость, не способны поощрять и культивировать ее. На самом деле часто случается так, что правила и стимулы ее буквально вытравливают.

Работа под влиянием стимулов – вовсе не то же самое, что работа ради достижения «телоса» деятельности. Хороший врач стремится назначить необходимое лечение и знает, как адаптировать его к конкретному пациенту с конкретным набором проблем, историей и жизненными обстоятельствами. Если платить врачу за каждую оказанную услугу, у него появится соблазн назначать пациентам излишние процедуры. Если же, напротив, выплачивать врачу бонусы за то, что он обходится минимумом назначений, он и лечить будет по минимуму. Так, увы, можно приучить врача принимать те решения, к которым его подталкивают стимулы. Мы же стремимся к тому, чтобы врачи, опираясь на добрую во-

лю и опыт, назначали необходимое количество процедур – и поступали так именно потому, что это необходимое количество, а не потому, что им это выгодно. Но так врачи будут действовать только в том случае, если они понимают и принимают истинные цели («телос») медицины и знают, как данных целей достичь. Стимулы, даже самые мощные, мало помогают в этом; более того, нередко они смещают фокус, а иногда и подменяют собой настоящую цель.

Даже от банкиров мы хотим, чтобы они поступали должным образом, – просто потому, что, поступая должным образом, они работают в интересах вкладчиков, которые держат свои деньги на депозитах, и заемщиков, доверивших банкам обслуживание своих ипотечных кредитов. Наша уверенность в банках зиждется на нашем доверии к банкирам. Если бы мы согласились с тем, что единственная цель банковской деятельности – делать деньги, у нас не было бы оснований упрекать банкиров в жадности. Мы называли бы их не «жадными», а «эффективными».

Нам действительно нужны правила, чтобы регулировать поведение людей, не обладающих мудростью. Одна из причин недавнего финансового кризиса заключается именно в том, что слишком мягкие и неточно прописанные правила позволили ловким дельцам полностью выйти из-под контроля. С другой стороны, хотя жесткие правила и нормы необходимы, они все же являются лишь бледными суррогатами мудрости. Аристотель сказал бы: правила нужны нам, что-

бы защититься от катастроф. В то же время опора на одни только правила гарантированно порождает посредственность, и тогда по-настоящему мотивированные люди оказываются вне закона, становятся нарушителями правил, вынужденными ради достижения совершенства вести едва ли не партизанскую войну. А мудрость оказывается не востребовавшей.

Эта книга – о том, что нам пора на практике становиться мудрыми, о важности общественно-политических, законодательных, юридических и социальных изменений, без которых мы не сумеем этого достичь. Мы можем заимствовать некоторые фундаментальные идеи у Аристотеля. Но мы должны пойти гораздо дальше, если намерены понять, насколько актуальна практическая мудрость сегодня и какие испытания ждут ее адептов.

Нам нужно осмыслить: что, собственно, представляет собой практическая мудрость в современном контексте, зачем она нам нужна и что потребуется от нас для ее обретения.

Мы должны с помощью представлений современной психологии осознать, что практическая мудрость – не привилегия волшебников и мудрецов. Она доступна каждому из нас. Мы «рождены, чтобы стать мудрыми». И эту нашу способность можно тренировать.

Нам предстоит понять, как стремление усовершенствовать здравоохранение, образование и защиту прав граждан, опираясь исключительно на строгие правила, жесткие нор-

мы и разнообразные стимулы, ведет к вымыванию мудрости, накопленной специалистами-практиками. Той мудрости, без которой улучшить ситуацию в перечисленных выше сферах просто невозможно и с которой реформаторы, прикрываясь благими намерениями, зачастую ведут своего рода необъявленную войну.

Мы должны точно понять, что вытеснение практической мудрости не является неизбежным. Ему вполне можно сопротивляться. Существует множество «коварных нарушителей правил», пытающихся найти пути применения практической мудрости в своих организациях, активно этому препятствующих. Становится все больше тех, кто пытается изменить положение дел, реформировать деятельность институтов – как в области подготовки специалистов, так и в плане самого стиля их работы, – с тем чтобы культивировать и поддерживать практическую мудрость, а не разрушать ее.

И наконец, опять-таки опираясь на исследования в области психологии, мы должны осознать: культивирование мудрости есть не только благо для общества, но, как утверждал Аристотель, ключ к нашему собственному счастью. Быть мудрыми – не просто наш долг. Это наше стремление, реализация которого даст нам возможность процветать и жить достойно.

Главная цель нашей книги – напомнить о давно известных достоинствах практической мудрости, которые ныне часто забывают; понять, почему Аристотель характеризует ее

как главную добродетель, позволяющую процветать как отдельным людям, так и обществу в целом. Сегодня об этом почти не говорят в учебных заведениях, изредка упоминают в книгах о счастье или искусстве достойной жизни, и никогда – в публичных дебатах о том, как совершенствовать и реформировать наше здравоохранение и образование, правовые и финансовые институты. Мы хотим сделать практическую мудрость предметом широкого публичного обсуждения, потому что она играет важнейшую роль в том, чтобы наша профессиональная деятельность и наша жизнь приносили пользу и удовлетворение.

Слишком часто мы ставим тем, кто обеспечивает наше здоровье, образование, безопасность, жесткий диагноз: эти люди не заботятся о результатах своей работы; они достойны порицания за то, что их интересуют только деньги, статус, власть. Но если жадность, поиск выгоды и жажда славы – это все, что греет людей, то у нас, похоже, есть только два способа заставить их работать: создать либо правила, соблюдение которых вынудит их трудиться производительнее, либо стимулы для лучшей работы. Не случайно поэтому основные меры по выходу из недавнего финансового кризиса⁴ были

⁴ Имеется в виду ипотечный кризис 2007 г. в США (англ. Subprime mortgage crisis) – финансово-экономический кризис, характерными проявлениями которого стали увеличение количества невыплат по ипотечным кредитам с высоким уровнем риска, учащение случаев отчуждения банками заложенного недвижимого имущества, а также вызванное ими падение цен на ценные бумаги, обеспеченные субстандартными закладными. Этот кризис принято считать началом

сфокусированы на усилении регулирования с целью предотвратить ненадлежащее поведение и на создании стимулов, побуждающих банкиров и брокеров в большей степени учитывать интересы общества.

Естественно также, что мы рассчитываем улучшить преподавание, требуя от учителей следования заданным образовательным программам, привязанным к стандартизированным тестам, но в то же время наказывая или вознаграждая их за успеваемость их подопечных. И мы вправе рассчитывать на более качественное и менее дорогостоящее медицинское обслуживание, если платим врачам за результаты лечения пациентов, а не за собственно медицинские процедуры.

Правила и стимулы – неизбежный и необходимый элемент нашей социальной и политической жизни: банковский кризис был бы гораздо менее серьезным, если бы правила, введенные после Великой депрессии⁵, не были в 1970-е годы отменены, а ныне существующие как следует исполнялись⁶.

мирового финансового кризиса 2008 г. – Прим. ред.

⁵ Банковский закон 1933 г. (англ. Banking Act of 1933), называемый также, по фамилиям его инициаторов, Законом Гласса – Стиголла (англ. Glass – Steagall Act) – федеральный законодательный акт, подписанный президентом США 16 июня 1933 г. и вплоть до конца XX в. определявший облик американской банковской системы. Акт, в числе прочего, запретил коммерческим банкам заниматься инвестиционной деятельностью, существенно ограничив их право на операции с ценными бумагами и введя обязательное страхование банковских вкладов. – Прим. ред.

⁶ Закон о реформировании Уолл-стрит и защите потребителей Додда – Франка (англ. The Dodd – Frank Act) – законодательный акт США, принятый 21 июля

Однако, при всей важности правил и стимулов, в дебатах, сосредоточенных только на том, как сочетать эти два механизма, упускается нечто весьма важное: добросовестная работа, на которую большинство специалистов настроены и которой ожидают от них их клиенты, требует практической мудрости. Правила и стимулы могут подстегнуть тех, кто не слишком озабочен качеством своего труда, – хотя и не сделают этих людей умнее и лучше. Но сосредоточив свое внимание на тех, кто добросовестно работать не намерен (именно их призваны активизировать как правила, так и стимулы), мы упускаем из виду других, которые хотят и могут работать как следует, стремятся делать нужные и правильные вещи, но кому не хватает практической мудрости, чтобы сделать их хорошо. Правила и стимулы не дадут этим людям той нравственной силы и доброй воли, в которых они на самом деле нуждаются. Более того, правила способны свести на нет любое умение, а стимулы – изменить стремления до неузнаваемости.

Аристотель называл людей, наделенных практической мудростью, φρόνιμα («фрoвнэма» – нравственными, духов-

2010 г. в целях снижения рисков американской финансовой системы. Считается наиболее масштабным изменением в финансовом регулировании США со времен Великой депрессии. Закон существенно изменил деятельность федеральных органов власти, регулирующих порядок оказания финансовых услуг, а также создал дополнительный орган финансового регулирования – Совет по надзору за финансовой стабильностью (Financial Stability Oversight Council, FSOC). – Прим. ред.

ными). Наши бабушки и дедушки называли бы их добропорядочными. Эта книга – размышление о том, что такое практическая мудрость и почему мы нуждаемся в ней. О том, как ее культивировать и что ей угрожает. О том, как мы можем возродить ее, способствовать ее развитию и тем самым исправить и усовершенствовать те институты и структуры, которые сегодня доставляют нам столько неприятностей.

И еще о том, почему практическая мудрость – это ключ к счастью.

2. Уборщик и судья

Мудрый уборщик

Люк (мы не знаем его фамилии) работает уборщиком в крупной клинической больнице. В интервью социологам, изучавшим, как люди организуют свою работу, Люк рассказал об инциденте в палате юного пациента, находившегося в коматозном состоянии. Люку пришлось сделать уборку дважды: отец пациента, который практически не смыкал глаз в течение нескольких месяцев, сидя у постели сына, не заметил, что уборка уже сделана, и набросился на уборщика. В ответ на это Люк, извинившись, повторил уборку. Снисходительно и любезно.

Вот объяснение Люка, почему он так сделал⁷: «Я вроде слышал о ситуации с его сыном. Его сын находится здесь уже

⁷ Люк и другие служащие больницы приняли участие в исследовании, проведенном Эми Вржезневски и ее сотрудниками (Wrzesniewski A. & Dutton J. E., 2001). Результаты исследования использованы в работах: Wrzesniewski A., Dutton J. E. Revisioning employees as active crafters of their work // *Academy of Management Review*, 2001, 26, p. 179–201; Wrzesniewski A., Dutton J. E., Debebe G. Interpersonal sensemaking and the meaning of work // *Research in Organizational Behavior*, 2003, 25, p. 93–135; Wrzesniewski A., McCauley C., Rozin P., Schwartz B. Jobs, careers, and callings: People's relations to their work // *Journal of Research in Personality*, 1997, 31, p. 21–33.

давно... Насколько я знаю, он участвовал в драке, а потом его парализовало, поэтому он попал сюда. Он не выходит из комы. Я слышал, он ввязался в драку с чернокожим парнем... ну, в общем, вот так и вышло... Его отец сидит здесь целыми днями, только иногда выходит покурить. В тот день он как раз вышел покурить, когда я сделал уборку. Когда он возвращался, мы столкнулись с ним в коридоре и он раскричался: мол, я не убрал у сына в комнате. Сначала я хотел защищаться, собирался спорить с ним. Но что-то у меня внутри дрогнуло, и я сказал: „Извините. Сейчас уберу“».

Социолог: «И вы убрали еще раз?»

Люк: «Ну да, я убрал комнату снова, на его глазах. Я же могу понять, каково ему сейчас: его сын здесь уже что-то около шести месяцев, его нервы на пределе... поэтому я и убрал. Я не сержусь на него. Я же понимаю...».

На первый взгляд, чтобы работать уборщиком, мудрость вроде бы и не нужна. Посмотрим его должностные обязанности:

1. Производить мытье ковра шампунем и чистку обивки мягкой мебели.
2. Очищать от пыли и протирать оборудование и аппаратуру.
3. Очищать и натирать пол.
4. Поддерживать порядок у входа в здание: подметать, посыпать солью, расчищать снег.

5. Поддерживать чистоту на прилегающих к зданию территориях, убирать бумажки и мусор.
6. Содержать в чистоте приспособления для гигиены и ухода за лежачим больным, писсуары, прочищать раковины (без разборки).
7. Протирать шваброй пол и лестницы.
8. Собирать грязное белье.
9. Пылесосить оборудование.
10. Чистить и протирать мебель, корпуса приборов, светильники и прочие принадлежности.
11. Протирать зеркала, оконные стекла с внутренней стороны, внутренние стекла с обеих сторон.
12. Убирать туалетные комнаты, поддерживать в чистоте их инвентарь.
13. Следить за наличием в туалетах необходимых принадлежностей.
14. Чистить от пыли жалюзи, стоя на полу или стуле.
15. Поддерживать в чистоте прикроватное оборудование.
16. Заправлять кровати и менять постельное белье.
17. Собирать и уносить к мусоропроводу отходы и использованные материалы.
18. Протирать шваброй участки пола и лестничных площадок, если там что-то разлили, убирать остатки еды.
19. Менять перегоревшие лампочки.
20. Передвигать и расставлять мебель и предметы интерьера.

21. Доставлять грязное белье в прачечную.

В описании обязанностей Люка ничего не говорится об ответственности за пациентов или заботе о них. Там есть длинный перечень того, что он должен делать, но нет ни единого слова, даже простого упоминания о *взаимодействии с другим человеком (пациентом или его родственниками)*. Исходя из должностной инструкции, Люк мог бы работать на обувной фабрике или в морге, но не в больнице. Для него было бы проще объяснить, что он уже убрал в комнате, либо, если, например, отец пациента не успокаивается, обратиться за поддержкой к своему начальству. Можно было вовсе проигнорировать претензии отца пациента и заниматься дальше своими делами. Наконец, Люк мог бы и сам вспылить!

Но он поступил иначе. Именно это и обнаружила команда психологов, проводивших исследование, когда говорила с Люком и другими уборщиками о работе в этой крупнейшей на Среднем Западе академической клинике.

Из повествования Люка видно, что формальные обязанности были лишь частью его реальной работы. Другая, самая важная, часть состояла в проявлении заботы о пациентах: сделать так, чтобы они и их родственники чувствовали себя максимально комфортно, подбодрить их, если они упали духом, развеселить, отвлечь от переживаний, выслушать, если им хочется выговориться. Таким образом, Люк стремился делать то, что вовсе не входит в круг обязанностей

уборщика.

Отношение Люка к своей работе привлекло бы внимание Аристотеля, который делал основной акцент на важности целей деятельности. Цели деятельности по обслуживанию пациентов – облегчение страданий, лечение заболеваний, выздоровление – должны быть сформулированы, озвучены и осознанно приняты лечебными учреждениями. Выздоровление пациентов, укрепление их здоровья должны стать основными целями таких учреждений, основой и сутью их деятельности. Всем сотрудникам больницы следует понимать эти цели, осознать их как свои личные стремления. Именно забота о пациенте должна определять все конкретные действия сотрудников клиник и госпиталей – тогда персонал сможет находить правильный выход из возникающих проблемных ситуаций. Так, как это сделал Люк.

Аристотель говорил о том, как важно, чтобы работники, выполняя свою работу, думали о существовании дела, о главной цели. Для того чтобы ее достичь, нужны практические навыки: не только добрая воля, но еще и знание, к чему стремиться, которое направляет выбор, дает возможность сделать этот выбор правильным.

Психологи обнаружили удивительную вещь: Люк и многие его коллеги поняли и усвоили цель своей работы не благодаря официальному описанию круга их обязанностей, а вопреки ему. Их реальные действия – это зачастую работа, которую они сами на себя взвалили в стремлении к достиже-

нию общей цели лечебного учреждения: проявление заботы о пациентах. Еще один уборщик, Майк, рассказал психологам, что как-то раз прекратил протирать шваброй пол в коридоре, поскольку г-н Джонс, выздоравливающий после серьезной операции, встал с постели и прохаживался по этому коридору. Чарлэйн вспомнила, как однажды проигнорировала указания своего начальника и не стала пылесосить диван для посетителей, потому что на нем дремали родственники кого-то из больных. Эти уборщики в своей работе преследовали общую цель больницы – заботу о пациентах. Они ведь не просто убирают, они убирают в больнице! Они понимали, что их работа важна для учреждения, цель которого – забота о здоровье пациентов и их благополучии. Поэтому, когда Люк столкнулся с рассерженным отцом юноши и должен был решить, как ему поступить, он не заглядывал в должностную инструкцию, где изложен круг его обязанностей, – ведь там ничего не говорится о подобных ситуациях. Он руководствовался общей целью деятельности больницы. И эту цель Люк определил для себя сам.

Судебное заключение

«Дело Майкла казалось ясным, – говорит судья Луиза Форрер. – Перед уголовным судом Филадельфии предстал „типичный правонарушитель“: молодой мужчина, чернокожий, школу бросил, работы не имеет...»

Ситуация сама по себе тоже была вполне заурядной: годом ранее Майкл с целью грабежа остановил таксиста; угрожая пистолетом, отнял у него 50 долларов, но был задержан и привлечен к судебной ответственности. Виновность Майкла сомнений не вызывала. Для определения меры наказания судья обратилась к «Федеральным директивам по назначению наказаний», где предписывалось минимальное наказание в виде 24 месяцев тюремного заключения. Приговор казался очевидным – пока Форер не обратилась к конкретным обстоятельствам.

Она выяснила, что пистолет, которым Майкл размахивал, был игрушечным. Кроме того, это было его первое правонарушение. Майкл бросил школу, чтобы жениться на своей подруге, которая забеременела. Аттестат об окончании средней школы он все же получил, но позже. Майкл постоянно работал, зарабатывая достаточно, чтобы его дочь могла учиться в церковно-приходской школе, хотя для него это была значительная сумма. Но незадолго до ограбления Майкл потерял работу. Находясь в подавленном состоянии из-за того, что кормить семью не на что, он в субботу вечером выпил лишнего и решил ограбить таксиста⁸.

Форер сочла наказание сроком в 24 месяца несоизмеримым совершенному преступлению. Директивы по назначению наказаний позволяют судье отклоняться от предписан-

⁸ Здесь и далее цитаты из: Forer L. G. Justice by numbers // Washington Monthly, 1992, 24, Issue 4.

ного наказания, если он в своем заключении объяснит причины такого отклонения. «Я решила воспользоваться правом отойти от директив, – говорит она, – приговорив Майкла к одиннадцати с половиной месяцам заключения в окружной тюрьме с позволением днем работать за ее пределами, чтобы иметь возможность кормить семью. Я также назначила наказание в виде двух лет условно после заключения и выплату 50 долларов. Мои доводы в пользу уменьшения наказания, приведенные в пространном заключении, были таковы: правонарушение совершено впервые; никто не пострадал; Майкл пошел на правонарушение в условиях безработицы и нужды; он производит впечатление искренне раскаявающегося. Майкл никогда не совершал актов насилия и не представляет опасности для общества. Лишение свободы на срок в пределах одного года представляется достаточным, чтобы убедить Майкла в серьезности его проступка».

Выбор Люка – как отреагировать на рассерженного отца пациента – и выбор судьи Форер, касающийся соразмерного наказания для Майкла: что между ними общего?

Работа судьи Форер требует применения общих правил к конкретным обстоятельствам. Она должна знать, когда и как сделать исключение, как определить меру наказания, подходящую к конкретному случаю, с учетом личности правонарушителя и обстоятельств. Для этого необходимы опыт и житейская мудрость. Это именно то, что нам нужно, то, чего мы ждем от судьи – способность к самостоятельной оценке,

способность осуществлять правосудие. Мудрость судьи носит глубоко практический характер. Без такой практической мудрости он не сможет хорошо выполнять свою работу.

Луиза Форер стремилась определить справедливое наказание для Майкла, но налицо были конкурирующие цели. Она должна была найти баланс между справедливостью и милосердием (с одной стороны – защитить общество и назначить Майклу наказание, соответствующее его преступлению; с другой – дать ему возможность исправиться и после освобождения не совершать других преступлений; кроме того, важно было нанести минимальный вред его жене и ребенку, а Майклу оставить шанс снова стать полноправным членом общества). Иными словами, был необходим баланс между заслуженным наказанием (возмездием), удерживающим от совершения противоправных действий с помощью устрашения, и исправлением (перевоспитанием, восстановлением доброго имени).

Люк тоже должен был разобраться в противоречащих друг другу целях. Когда рассерженный отец пациента набросился на него, он мог выбрать вполне правомерные действия: сказать, что комнату он уже убрал, отказаться от несправедливого требования повторной уборки. Ему нужно было определить, какая из целей – исполнение инструкции или забота об отце пациента – является более уместной в сложившихся обстоятельствах.

Аристотель полагал: чтобы понять, как поступать в тех

или иных ситуациях (в нашем случае – это ситуации, с которыми столкнулись Люк и Форер), требуется нечто большее, чем знание законов и должностных обязанностей. Не достаточно уметь выводить правильное суждение из общих принципов и абстрактных представлений, касающихся истины и справедливости, свободы и блага. Не существует общего правила или принципа, которыми Форер и Люк могли бы руководствоваться, чтобы найти баланс между несколькими правильными, но конфликтующими друг с другом целями. Чтобы найти такой баланс и сделать правильный выбор, нужна мудрость – практический нравственный опыт.

Аристотель выделял две способности, которые особенно важны для приобретения такого практического навыка: способность к размышлению/рассуждению и способность к пониманию того, как, с точки зрения морали и нравственности, следует поступать в конкретных обстоятельствах. Основа практической мудрости – размышление и различение нюансов. Судья Форер, излагая ход своих рассуждений по поводу дела Майкла, говорит: «Хороший судья, публично защищая свои решения, должен применять это постоянно, как, например, в случае с Майклом, когда закон требовал, чтобы судья объяснил, почему отходит от рекомендованного наказания».

Люк размышлял в совершенно иных обстоятельствах – в ситуации, когда мы обычно не ожидаем от действующего лица ни мудрости, ни особой ответственности. Тем не менее –

а может, и тем более – важно рассмотреть, как он рассуждает и как рассказывает о своем решении.

Люк понял, что столкновение с отцом – не та ситуация, в которой уместно обращаться к понятиям честности и принципиальности или рассматривать ее с точки зрения защиты собственных прав. Хотя у него и было искушение отреагировать на требования отца как на несправедливые, он быстро осознал: на кон поставлено кое-что еще, а именно – помощь в успокоении и утешении больных и страдающих людей, причастность к их исцелению. Поэтому Люк сформулировал проблему так: «Как проявить внимание, поддержать отношения этих отца и сына в конкретный нелегкий момент их жизни? А справедливость может подождать до лучших времен». Люк постарался понять, как ему действовать: спокойно объяснить отцу, что разделяет его боль и понимает его? А может, предложить сесть и обсудить проблему? Люк решил не подливать масла в огонь. С практической точки зрения самый лучший выход из этой ситуации – еще раз убрать комнату. Пусть отец думает, что совершил нечто полезное для своего сына. Люк проявил умение реагировать великодушно и красиво.

Когда мы говорим о способности размышлять/рассуждать, первое, что обычно приходит в голову, – сравнение разных вариантов, взвешивание всех «за» и «против» и выбор лучшего из возможного. Бизнес-школы и институты, где преподают менеджмент, часто преподносят этот метод как

единственно правильную модель принятия решений. Такая модель действительно может быть полезной, когда мы сталкиваемся с новыми или трудными проблемами, когда у нас есть время поразмышлять над ними. Но поведение Люка заставляет нас увидеть и иные способы принятия решений.

Люк не сравнивал противоречащие цели и не взвешивал плюсы и минусы всех вариантов. Главным для него было понять ситуацию и точно ее сформулировать. Неразумность требований и гнев отца подталкивали к защите своих прав и попранной справедливости, но... вместо этого Люк, человек, работающий в больнице, определил для себя данную ситуацию как возможность проявить сострадание и помочь конкретному человеку – что, собственно, и должно быть целью любого лечебного учреждения.

Так получилось потому, что он умел представлять себе общий контекст происходящего. Люк не сравнивал варианты, не выводил правильное суждение из общих принципов должного поведения (например, «быть добрым к членам семьи пациента»). Он создал для себя (а потом и рассказал интервьюеру) целую повесть о юном пациенте, о потерявшем голову отце, который месяцами не вылезает из больницы; он смог объяснить, почему гнев отца имел смысл и почему это прощительно. Эта история и та «рамка», в которую она «вставлена», дали Люку возможность понять, как правильно поступить.

Наша способность интерпретировать ситуации (выражать

их в определенных терминах, придавать им то или иное значение) является решающей для совершенствования нашего практического морального и нравственного опыта. То же самое можно сказать и о способности использовать аналогии и метафоры, обращаясь к нашему прежнему опыту. Люк понял, как поступить, не потому, что он совершал подобные поступки раньше, но потому, что использовал предыдущий опыт, где было что-то похожее на нынешнюю ситуацию. Он знал, какие последствия имели его действия в прошлых случаях. Он не просто повторял то, что сделал когда-то, — он создавал нечто новое из того, что сработало или не сработало в прошлом.

Может показаться, что мы слишком много мудрствуем по поводу простого, бесхитростного решения Люка. Но ведь и судья Форер использовала те же способы рассуждения. Для применения закона к делу Майкла ей требовалось нечто большее, чем факты, основополагающие принципы и способность делать логические выводы. Ей нужно было создать достоверную «историю», которая объясняла бы смысл действий Майкла и его намерений в свете его характера и сложившихся обстоятельств. Крепкая семья, постоянная работа, потом потеря работы, депрессия, в которую он впал, характер преступления и выбор оружия, причиненный вред — все это помогало судить о серьезности его преступления и тяжести необходимого наказания. Судья поняла Майкла, опираясь на свой прошлый опыт, интерпретируя сходство и

различия его с другими известными ей подсудимыми.

Аристотель считал, что «в вопросах практических дел и соображений пользы следует рассматривать каждый отдельный случай, подобно тому как это делается в медицине и в навигации»⁹.

Выяснение того, что является приемлемым в конкретной ситуации, основано на моральном и нравственном восприятии. «Человек, обладающий практической мудростью, – утверждал Аристотель, – должен принять к сведению частности». Конкретные факты являются отправными точками для нашего познания цели действий, и потому, чтобы рассудить и сделать правильный выбор, надо иметь представление о конкретных фактах¹⁰.

Судье Луизе Форер приходилось ежедневно сталкиваться с большим количеством информации о жизни обвиняемых и характере их преступлений. Для того чтобы установить мотивы и меру ответственности, понять, чем преступление Майкла отличается от похожих на него, и определить, насколько этот человек опасен для общества, ей нужно было отделить существенное от «фонового шума». Решение таких задач требует способности видеть нюансы, оттенки конкретной ситуации, а не просто черное и белое, закон и его нарушение. Точно так же и Люк, ежедневно сталкиваясь с пациентами, которые были расстроены, что-то путали, чего-то не

⁹ Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Book 2, Ch. 2 [1104a].

¹⁰ Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Book 6, Ch. 11 [1143a–1143b].

понимали, о чем-то просили, доставляли какие-то неудобства, был поставлен перед выбором, как относиться к таким людям. Он, подобно тому как это делают судьи, врачи и учителя, должен был разобраться в хаосе информации и понять, что является наиболее важным в данный момент¹¹.

А главным было то, что думал и чувствовал отец пациента. Если бы Люк не был способен представить себе это, он не увидел бы никакой проблемы в возникшей ситуации и не думал бы о вариантах реакции и последствиях. Он же, напротив, вообразил, как перебранка отразится на чувствах этого и без того расстроенного человека, на его способности надеяться на лучшее и выдерживать день за днем изматывающее дежурство у постели сына. Воображение – способность представить себе, как будут разворачиваться различные сценарии действия, и способность оценить их – является решающим в понимании того, как следует поступить. Это (по определению философа Джона Дьюи) есть не что иное, как «способность воспринимать то, что есть, через призму того, что может быть»¹².

¹¹ Более предметно этот процесс рассматривается в работах по психотерапии; см. в частности: Fowers B. J. *Virtue and Psychology*. – Washington D. C.: American Psychological Association, 2005, p. 118–120, 139–141.

¹² Первоисточником является: *Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology*. – New York: Prometheus (оригинальная работа опубликована в 1922 г.). Цитата Джона Дьюи воспроизведена в: Narvaez D. *Moral complexity: The fatal attraction of truthiness and the importance of mature moral functioning // Perspectives on Psychological Science*, 2010, 5, p. 163–181.

Не удивительно поэтому, что эмпатия – способность представить себе, что думает и чувствует другой человек, – имеет решающее значение для принятия разумных (мудрых с практической точки зрения) решений. Эмпатия включает в себя как когнитивные навыки (способность воспринимать ситуацию так, как она воспринимается другим), так и эмоциональные (способность понять, что именно чувствует другой человек).

Люк должен был поставить себя на место отца пациента, хотя он знал, что тот неправ. Но Люк не смог бы составить «историю», не имея он способности глубоко понимать другого человека. То же можно сказать и о судье Луизе Форер. «Было ли это преступление нелогичным? – спрашивала она себя. – Есть ли в Майкле черты бессмысленной жестокости? Агрессивен ли он? Способен ли себя контролировать?» Для того чтобы вынести правильный приговор и представить себе вероятные последствия работы Майкла за пределами тюрьмы в дневное время, ей нужна была эмпатия.

Эмоции критически важны для морального и нравственного восприятия еще и потому, что играют роль сигнального устройства. Эмоции отца, который «был просто не в себе», просигналили Люку: здесь что-то не так. Сигнал был нечетким, но обычно так и случается. Почувствовав же не только свое собственное огорчение и возникающий гнев, но и огорчение и гнев оппонента, Люк проявил готовность разобраться, относится ли возникшая конфронтация к нему или к от-

цу и его ситуации.

Так, по выражению лица, языку тела, тону голоса другого человека мы понимаем, что с ним что-то не в порядке, и должны сделать выбор, как реагировать. Наши собственные чувства гнева, вины, сострадания или стыда сигнализируют: надо поразмыслить, уделить особое внимание происходящему. Это может показаться очевидным, но слишком часто правила и стимулы, которые регулируют нашу жизнь, исключают эмоции из процесса принятия решений, учат нас не доверять сигналам, которые мы получаем с их помощью.

Обычно считается, что эмоции мешают трезвому размышлению и здравому рассуждению, что именно они управляют нами, а не мы ими. «Черт меня дернул сделать это!» – говорим мы потом. Эмоции могут способствовать нашему расположению к людям, которых мы любим, и настраивать против тех, кого не любим. Эмоции изменчивы, а потому являются ненадежным руководством к действию. Они часто зациклены на частностях: мы можем настолько сильно переживать случившееся с нами или с кем-то другим, что у нас не будет других мыслей, кроме как «справедливо это или нет».

Именно так едва не случилось с Люком. Ведь он испытал гнев в ответ на несправедливость со стороны отца юноши. Но эмоции сослужили Люку и добрую службу: он почувствовал сострадание. «Его сын находится здесь уже почти шесть месяцев. Отец переживает, у него нервы на пределе, потому я и решил убрать комнату еще раз. Я не сержусь на него». Та-

ким образом, именно эмоции подсказали Люку, как поступить правильно.

Это не были какие-то случайные эмоции. Его гнев и его сострадание вполне правомерны. Но он был в состоянии контролировать их, чтобы сделать правильный выбор. Аристотель говорил, что эмоции, должным образом вышколенные и управляемые, – это основа основ практической мудрости. «Мы можем ощущать страх, уверенность, желание, гнев, жалость, да и вообще любой вид удовольствия и страдания либо слишком сильно, либо слишком слабо, то есть не должным образом, – утверждал он. – Умение же почувствовать все это в нужное время, в отношении нужных предметов или людей, по достойному внимания поводу и должным образом – вот „золотая середина“, признак добродетели»¹³.

Умение оценить ситуацию, понять, что уместно и важно в данном конкретном случае и в данных обстоятельствах, представить себе, что думает и чувствует кто-то другой, иметь в виду существование вариантов и представлять себе последствия – все эти навыки являются частью проницательности, глубокого понимания предмета. Именно такая проницательность является, согласно Аристотелю, «способом нахождения соответствия между общими вопросами и конкретными ответами, общими представлениями и уникальными случаями, где общее помогает понять частное и,

¹³ Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Book 2, Ch. 6 [1106b].

в свою очередь, конкретизируется с его помощью»¹⁴.

Практическая мудрость зиждется не только на способности понимать других. Она также требует умения понимать себя и свои мотивы, признавать собственные поражения и неудачи, чтобы выяснить, что работает, а что нет, и почему.

Мы видим понимание важности такого самоанализа у Люка. «Сначала я был намерен защищаться, собирался спорить с ним. Но что-то внутри меня дрогнуло, и я сказал: „Извините. Сейчас уберу“». Подобная саморефлексия не всегда дается легко, особенно когда, подобно Люку, мы чувствуем себя обиженными. Она также трудно дается, когда не правы мы сами: легкомысленны, беззаботны, слишком эгоистичны. Критика наших собственных представлений часто мучительна. Способность занять отстраненную позицию и беспристрастно судить себя требует определенной смелости. Люку, чтобы стать достойным сотрудником лечебного учреждения, и Луизе Форер, чтобы стать хорошим судьей, нужно было понять и признать свои ошибки – и в следующий раз поступить лучше.

Люк и Луиза Форер помогают нам понять некоторые из ключевых характеристик практической мудрости. Подведем итог:

Мудрый человек знает истинные цели деятельности, которой он занимается. Он хочет поступать правильно, чтобы

¹⁴ См.: Nussbaum M. *Love's Knowledge*. – New York: Oxford University Press, 1990, p. 95.

достичь этих целей: удовлетворять потребности тех людей, на благо которых работает. Мудрый человек умеет импровизировать, находя баланс конфликтующих целей и применяя правила и общие принципы с учетом особенностей конкретного контекста. Мудрый человек проницателен, он умеет читать социальный контекст, знает, как выйти за рамки черно-белых правил и увидеть оттенки. Мудрый человек знает, как встать на точку зрения другого – увидеть ситуацию такой, какой ее видит другой человек, и понять, что он чувствует. Умение встать на чужую позицию позволяет мудрому человеку проявить эмпатию и принять решение, которое служит потребностям клиентов (студентов, пациентов, друзей). Мудрый человек знает, как сделать эмоции союзником разума, умеет опираться на эмоции, чтобы получить сигнал о том, чего требует ситуация, и сформулировать правильное суждение. Он способен интуитивно чувствовать или просто знать, что нужно делать: это дает ему возможность действовать быстро. Его эмоции и интуиция хорошо вышколены.

Мудрый человек – опытный человек. Практическая мудрость – это мастерство, и приобретается оно с опытом. «Быть храбрыми люди учатся, совершая храбрые поступки», – говорил Аристотель. То же касается честности, справедливости, верности, заботливости, умения слушать и давать советы.

3. Поиск компромисса: почему мудрость практична

Наша жизнь определяется правилами. Административные нормативные акты предписывают, как строить отношения и исполнять свои обязанности, работая в весьма сложных организациях, доминирующих в нашем современном мире. Нормы морали определяют, что значит вести себя этично. Далее следуют правила, вытекающие из законов, которые издает правительство, и кодексы – уголовный и гражданский, – устанавливающие наказание за нарушение этих законов.

Мы не можем жить без таких правил. Опора на них, а не на свободную волю человека, имеет глубокие корни. Еще создавая конституцию Американской республики, ее отцы-основатели понимали, что у них нет возможности полагаться на мудрость человека и его добродетели. «Что такое государство как таковое, если не величайшее из всех отражений человеческой природы? – вопрошает Джеймс Мэдисон в «Федералисте»¹⁵. – Если бы люди были ангелами, не потребова-

¹⁵ «Федералист» (англ. «The Federalist Papers») – сборник из 85 статей в поддержку ратификации Конституции США. Вышел в свет в 1788 г. Статьи выходили с октября 1787 г. по август 1788 г. в нью-йоркских газетах The Independent Journal и The New York Packet. «Федералист» считается не только ценнейшим источником толкования Конституции США, но и выдающимся философским и

лось бы никаких государств и правительств». Джон Адамс в конституции штата Массачусетс 1780 года тоже выступает за «верховенство законов, а не людей»¹⁶. Действительно, располагая тщательно проработанными законами вкупе с конституционной системой сдержек и противовесов, мы меньше зависим от того, чтобы наши публичные политики были поистине государственными деятелями, а граждане – сплошь исполненными мудрости. Система мудрых законов позволяет свести к минимуму потребность в мудрых людях.

Член Верховного суда США Бенджамин Кардозо¹⁷ считал идеальной правовой системой такую, которая была бы «одновременно гибкой и подробной, учитывающей все детали, позволяющей предусмотреть справедливые и одобряющие правила для любой возможной ситуации»¹⁸. Проблема тут только одна: правила без мудрости не работают. «Как бы ни были важны законы морали, идеал недостижим, – заключает Кардозо. – Жизнь слишком сложна, и человеческих сил для этого недостаточно». Возникновение законов повлекло за собой необходимость появления судей и судебных реше-

политическим произведением. – Прим. ред.

¹⁶ Как известно, на это утверждение сослался судья Верховного суда Джон Маршалл в деле Марбери против Мэдисона, разбиравшемся в 1803 году.

¹⁷ Кардозо, Бенджамин Натан (англ. Cardozo, 1870–1938) – американский юрист и правовед, сторонник расширения прав суда за счет умаления роли закона при рассмотрении конкретных дел в суде. – Прим. ред.

¹⁸ Данная и последующие цитаты взяты из: Benjamin Cardozo. *The Nature of the Judicial Process*. – New Haven: Yale University Press, 1921.

ний. Так же обстоит дело и с законами морали, которым мы следуем, – с той лишь разницей, что судьями в этом случае должны быть мы все.

Аристотель, наблюдая в Афинах IV века до н. э. за плотниками, сапожниками, кузнецами и кормчими, отмечал, что их работа не регулировалась правилами и не предполагала жестко заданных процедур. Материалы, с которыми они работали, были весьма разнообразны, и каждая практическая задача порождала новые проблемы. Аристотель считал, что решения, которые принимают ремесленники, работая в сфере материального, дают ключ к умению делать нравственный выбор, действуя в социуме. В частности, он был просто очарован тем, как каменщики на острове Лесбос использовали линейки. Обычно прямая линейка использовалась, чтобы измерять материалы перед резкой. Но когда нужно было вырезать из каменного массива колонны цилиндрической формы, линейка оказывалась бесполезной – с ее помощью невозможно было измерить длину окружности. Невозможно – если не согнуть линейку. Именно так и поступали каменщики, делая из проволоки гибкий измерительный инструмент – предшественник сегодняшней рулетки. С точки зрения Аристотеля, знание того, что нужно сделать с прямой линейкой, чтобы измерить окружность, и есть образчик настоящей практической мудрости.

Английская система общего права, на которой основана и американская правовая система, зиждется на такого ро-

да гибкости. Она отвергает позицию, при которой намерение подсудимого и обстоятельства нарушения закона не имеют значения. Пустил ли человек стрелу в другого человека сознательно, или он стрелял в оленя, а стрела попала в человека, срикошетив от камня? В староевропейских судебных системах это не имело значения. Если вред был нанесен один и тот же, преступление считалось одним и тем же, и наказание, соответственно, назначалось одинаковое¹⁹. Английское общее право, а позднее и американская судебная система изменили положение вещей и провозгласили, что виновность в совершении преступления должна быть доказана неопровержимо²⁰. И намерения, и мотивы преступления имеют значение, как и обстоятельства его совершения. Именно их приняла во внимание судья Форер, вынося решение по делу Майка, и нам нужны именно такие судьи. Наш здравый смысл выступает в защиту такого общего права.

Даже ребенок, разбивший фарфоровую тарелку, знает, что его намерения (которые могут находиться в спектре от «она сама соскользнула» или «я думал, она не бьется» до «я

¹⁹ См.: Finkel N. *Commonsense Justice*. – Cambridge: Harvard University Press, 1998.

²⁰ Похожее правило можно найти в древнебиблейском законе. Евреям было заповедано Богом создавать города-убежища для защиты от кровной мести «по горячим следам» для тех, кто совершил непреднамеренное убийство и не испытывал при этом ненависти: «в случае, когда человек вместе с соседом отправился в лес заготавливать дрова, стал рубить дерево и при замахе топор слетел с топора и убил соседа, то человек должен укрыться в одном из таких поселений и жить там» (Deuteronomy, 19).

ненавижу эту еду» или «я хотел попасть Джонни в голову») имеют значение, – и они действительно должны иметь значение, когда родители выбирают наказание. И ребенок подсознательно чувствует то, что знаем мы все: как бы ни были важны законы и правила, они всегда требуют интерпретации при применении.

Иногда мы изменяем правила, чтобы уклониться от необходимости поступать так, как нужно. Особенно мастерски этим владеют адвокаты. Но каменщики Лесбоса сгибали линейку не затем, чтобы смошенничать или обмануть. Они поступали так, чтобы сделать дело как следует. Об этом и говорил Аристотель: чтобы работать и жить должным образом, мы должны знать, как, где и когда можно и нужно отойти от правил и «согнуть линейку».

Выбор сбалансированного решения

Любой, кто воспитывал ребенка, жил в семье, дружил, руководил людьми на рабочем месте или обслуживал клиентов, знает, что правила и принципы эффективны отнюдь не всегда. Жить без них невозможно, но не проходит и дня, чтобы мы не нарушали их, не делали бы исключения, не искали бы компромисс там, где они вступают в противоречие друг с другом. Нам удастся справляться с этическими проблемами и затруднениями, то и дело встречающимися в повседневной жизни, поскольку наш выбор почти всегда подразуме-

вает интерпретацию правил, поиск компромисса между конфликтующими принципами и намерениями, между лучшим и худшим.

Мы пытаемся балансировать. Аристотель называл такой баланс «средним» (μέσοςόρος), но не в смысле среднего арифметического, а подразумевая правильное взвешивание конкретных обстоятельств. И вычисляется это «среднее» не сложением и делением, но приданием правилам гибкости – так, как это делали каменщики Лесбоса.

Некоторые из наших повседневных компромиссов столь привычны, что мы не всегда воспринимаем их как выбор, не говоря уже об их этической подоплеке. Когда друг или подруга спрашивают нас: «Как я выгляжу?», мы ищем нечто среднее между стремлением «быть честным» и «быть добрым». Когда мы разуверяем в чем-то друга, будучи обеспокоены его благополучием, мы ищем баланс между лояльностью и заботой о нем. Забота о ребенке требует, чтобы мы указывали ему на ошибки – как иначе он научится поступать правильно? Но разве на все ошибки и всегда нужно указывать? Да, мы пытаемся удержать его от действий, способных причинить вред. И все же нам следует избегать чрезмерной опеки. Ребенку нужна свобода, чтобы, совершая ошибки, учиться быть ответственным и самостоятельным.

Главное в этом ежедневном поиске баланса – найти верное соотношение противоположностей. Нам то и дело приходится искать компромисс, интерпретировать принципы, цели и

правила с учетом конкретного контекста. Иными словами, принимая важные решения, мы постоянно применяем практическую мудрость, доверяя себе – и другим – делать это. И нет причин для отказа от использования практической мудрости в гораздо более широком контексте.

Кто решает? Баланс между «спрашивать» и «отвечать»

Любой кодекс профессиональной этики ставит во главу угла интересы клиента. И это правильно: обслуживание пациентов, студентов, покупателей, заказчиков – первейший долг профессионала. Но во что следование данному принципу выливается на практике?

Когда молодой адвокат Уильям Саймон взялся за дело г-жи Джоунс, экономки старшего партнера некоей фирмы, он намеревался усердно защищать ее интересы. Джоунс имела собственный дом в пригороде Бостона, регулярно посещала церковь, будучи в свои шестьдесят пять лет уважаемым членом афроамериканского сообщества и представителем нижнего слоя среднего класса.

Ее автомобиль получил небольшое повреждение в результате несильного удара сзади – рядовое дорожное происшествие. Г-жа Джоунс остановилась, чтобы разобраться в ситуации, но виновница столкновения, белая женщина, скрылась с места происшествия, позвонила в полицию и сказала, что

с места происшествия скрылась именно Джоунс.

Ни в чем не разобравшись, полиция позвонила г-же Джоунс. «Они отчитали ее как школьницу, – говорит Саймон. – Они обращались к ней, 65-летней женщине, по имени. А к заявительнице, которая была значительно моложе, более уважительно: г-жа Стрельски».

Стрельски в итоге отозвала свою претензию, но полиция настаивала на возбуждении дела против Джоунс за то, что она якобы покинула место происшествия²¹. Саймон же решил доказать, что г-жа Джоунс невиновна, а также выразить протест против унижения и несправедливости, которым она подверглась. Он собирался обвинить полицию в расизме на основании учиненного его доверительнице «унизительного перекрестного допроса». Но у Саймона не было судебного опыта, и он обратился к другу-юристу, эксперту по вопросам дорожных аварий.

Они встретились в углу зала судебных заседаний перед началом разбирательства. «Обвинить полицейских в расизме? – друг Саймона закатил глаза. Он знал, что полицейские и судья давным-давно знают друг друга, обмениваются информацией и у них полно общих интересов. – Если Джоунс проиграет – что маловероятно, но возможно, – она лишится водительских прав, будет оштрафована и даже, возможно, получит тюремный срок до шести месяцев. Не говоря уже о

²¹ Simon W. Lawyer advice and client autonomy // In: D. L. Rhode (Ed.). Ethics in Practice. – New York: Oxford University Press, 2000, p. 166.

нервотрепке в ходе самого процесса».

Друг Саймона обсудил с прокурором возможность судебной сделки. При таком раскладе г-же Джоунс следовало заявить о применении *nolo contendere*²² (заявление об отказе оспаривать предъявленное обвинение). Тогда наказание ограничилось бы для нее шестью месяцами заключения условно, а с учетом того, что правонарушение являлось первым, судимость могла быть снята через год.

Но Саймона это не успокоило. «Она наняла меня, чтобы я защищал ее интересы. Признание вины лишит ее возможности защищаться и быть оправданной, – сказал он другу. – Я знаю, что у нее есть чувство собственного достоинства, она глубоко обижена этим обвинением и придает большое значение оправданию».

Тем не менее он рассказал о возможности сделки г-же Джоунс и ее духовнику, который находился там же, чтобы поддержать прихожанку и выступить в качестве свидетеля, дающего характеристику ответчику. Они говорили около десяти минут и в конечном счете обратились к Саймону за советом: «Вы же эксперт. За этим мы и обращаемся к адвокатам».

Саймон сказал г-же Джоунс, что не может принимать решение за нее. Потом он расписал на листе бумаги все «за»

²² *Nolo contendere* (лат. «не желаю оспаривать») – юридическая форма, подразумевающая, что ответчик отказывается от права оспаривать предъявленное ему обвинение. Иными словами – сделка о признании вины. – Прим. ред.

и «против», упомянув минусы в последнюю очередь, и, наконец, сказал: «Если вы примете их предложение, то, вероятно, у вас не будет никаких неприятных практических последствий, но и торжеством справедливости такой исход дела не станет». До этого момента Джоунс и священник, казалось, еще колебались, но последняя фраза возымела поистине драматический эффект. И они в один голос сказали: «Мы хотим справедливости».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.